

СВЯТИТЕЛЬ ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ И ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

Прот. Павел Хондзинский

В научной литературе вопрос генезиса представлений Федора Михайловича Достоевского о народе-богоносце до сих пор не ставился в контекст учения свт. Димитрия Ростовского о страстотерпчестве. Между тем обнаруживаемые параллели позволяют говорить об очевидной неслучайности совпадений. В то же время разделяющей авторов чертой является проблема мотивировки страданий.

Вопрос о генезисе богословских идей Достоевского, казалось бы, можно было бы считать вполне разрешенным за протекшие со дня его кончины 130 лет, особенно если учесть количество посвященной гениальному русскому писателю литературы. Оказывается, однако, что и здесь еще есть свои белые пятна, заполнение которых позволит, быть может, по-новому взглянуть на некоторые излюбленные идеи творца Карамазовых.

В 1849 г. Достоевский писал брату из крепости: «Я здесь читал немного: два путешествия к св[ятым] местам и сочинения с[вятого] Димитрия Ростовского. Последние меня очень заняли; но это чтение — капля в море, и какой-нибудь книге я бы, мне кажется, был до невероятности рад. Тем более, что это будет даже целительно, затем, что перебеешь чужими мыслями свои или перестроишь свои по новому складу»¹.

Позднее имя святителя Димитрия в текстах Достоевского, правда, не встречается, однако несколько раз он упоминает Четьи-Минеи. Резонен вопрос: о каких Четьях-Минеех — свт. Димитрия или свт. Макария — идет речь? Прямого ответа на него нет. Единственный однозначный в этом отношении текст находится в записных книжках писателя за 1872 г.: «Книги необходимые <...> Великие “Минеи-Четии” Макария (в Москве) у С. Т. Большакова в Малом Охотном ряду...»² Поскольку полностью Великие Четьи-Минеи были тогда не изданы, то речь, судя по всему, идет об их сокращенном издании: «Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четьих-Миней, по месяцам в 12 книгах»³. Во всяком случае это издание имелось в библиотеке Достоевского⁴.

¹ Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 28. Кн. 1. С. 157.

² Там же. Т. 27. С. 106.

³ М., 1860–1861.

⁴ См.: Полное собрание сочинений... Т. 27. С. 372.

Однако комментарий к приведенному фрагменту указывает, что «наиболее популярными в XIX веке были Четьи-Минеи св. Димитрия Ростовского»⁵, и с этим трудно не согласиться, а следовательно, там, где специально не оговаривается авторство святителя Макария, под «Четьями-Минейми» следовало бы понимать скорее труд свт. Димитрия (вобравший в себя в том числе и многие тексты из макарьевских Миней).

Как бы то ни было, по всему видно, что Четьи-Минеи приобретают для Достоевского некое символическое значение — значение своего рода «лакмусовой бумажки», по которой определяется отношение к ценностям народа-богоносца. Рогожин, чтобы показать одним словом «отсталость» своей матушки, упоминает о том, что она «Четьи-Минеи читает»⁶. Федор Павлович Карамазов, ерничая, ссылается на содержащуюся в Минейх историю про мученика с отрубленной головой, которую он «любезно лобызаше». Миусов, на которого Федор Павлович при сем случае ссылается, «бормочет», оправдываясь: «Я сам Четьи-Миней не читал... да и не стану читать...»⁷. Григорий в тех же «Карамазовых», по замечанию Марфы Игнатьевны, после смерти своего младенчика «стал по преимуществу заниматься “божественным”, читал *Четви-Миней*»⁸. Наконец, старец Зосима в поучениях священникам советует, кроме историй из Писания, читать простому народу «и из Четьи-Миней хотя бы житие Алексея человека Божия и великой из великих радостной страдальицы, боговидицы и христоносицы матери Марии Египтяныни»⁹.

Неслучайность этих упоминаний вполне проясняется из «Дневника писателя», где упоминание о Четьях-Минейх встречается дважды: в февральском выпуске 1876 г. в рассуждении о необходимости «преклониться перед правдой народной и признать ее за правду, даже и в том ужасном случае, если она вышла бы отчасти и из Четьи-Миней»¹⁰; и в июльско-августовском выпуске 1877 г. в главе «О безошибочном знании необразованным и безграмотным русским народом главнейшей сути Восточного вопроса». Это знание — знание, основанное на народном ощущении правды Божией, — выводится Достоевским также из «духа Миней».

Кто из образованных людей читал Миней? — задается вопросом Достоевский и отвечает: «В монастыре кто-нибудь, из светских профессор какой-нибудь по обязанности или какой-нибудь старикашка-чудак, который постится и ходит ко всенощной. Да и достать их трудно: надо купить, а попробуйте, попросите почитать на время в приходе — не дадут. И вот, верите ли вы тому, что по всей земле русской чрезвычайно распространено знание Четьи-Миней — о, не всей, конечно, книги, — но распространен дух ее по крайней мере, — почему же так? А потому, что есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказчиц о житиях святых. Рассказывают они из Четьи-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни еди-

⁵ Полное собрание сочинений... Т. 27. С. 372.

⁶ Там же. Т. 8. С. 10.

⁷ Там же. Т. 14. С. 42.

⁸ Там же. С. 89.

⁹ Там же. С. 267.

¹⁰ Там же. Т. 22. С. 45.

ного лишнего слова от себя, и их заслушиваются. Я сам в детстве слышал такие рассказы прежде еще, чем научился читать»¹¹.

Это место, кстати, также скорее указывает на Четьи-Минеи свт. Димитрия именно в силу их повсеместной распространенности в народе (см. выше), однако еще показательней и важнее близость именно «духа», питающего мысль Ростовского митрополита и автора «Карамазовых». «Центр тяжести» Минеи свт. Димитрия — жития мучеников, и это не случайно. Тема мученичества вообще является лейттемой всего богословского наследия святителя, так как неразрывно связана у него с темой народного горя и темой любви, ибо «несть истинная любовь, аще без креста, аще без страдания за любимаго»¹². Образцом и идеальным примером этой любви для святителя становятся прежде всего страдания Самого Христа, которые он описывал с осязательной достоверностью¹³, а вслед за тем — Его Пречистой Матери, ибо если даже «всех за Христа страдавших мучеников страдание во едино собрати», то они не превзойдут страданий Богородицы, Которая хотя и не телом, но душою сострадала «неповинно страждущему Сыну Своему и Богу»¹⁴. При этом, если всех нас Господь с креста усыновил Своей Матери в лице возлюбленного ученика, то «закон мученичества» распространяется и на нас: и потому что «несть сын Марии, иже не мученик»¹⁵, и потому что страдания Церкви продолжают и дополняют страдания ее Главы: «...еже Он не дотерпе, аз в теле моем дотерпеваю»¹⁶.

Это не обязательно должны быть страдания за Христа, но обязательно во Христе: «Аще не за Христа гонение терпиши, обаче егда терпиши неповинно, и благодариши Бога, и то вменитися, яко за Христа терпящему. Воспомяни страстотерпцев Российских Бориса и Глеба»¹⁷, — к этой теме святитель возвращается снова и снова.

¹¹ Полное собрание сочинений... Т. 25. С. 214–215.

¹² *Свт. Димитрий Ростовский*. Сочинения: В 5 т. М., 1839–1849. Т. 3. С. 428.

¹³ «...течет кровь ручьями из источника жизни; отпадает тело кусками от святых Его костей; летят по всему претору брызги святяя Его крови; падает на землю под столпом, не могши от ран стояти. Тут сверху жестокими ударами накрывают, раны на раны налагают, топчут ногами, за власы терзают... Где ж Твой легион ангелов, ангелов Творче?... Апостоли оставили, ангели отступили, Бог Отец на смерть выдал... Спрашивает невеста: где обитаеши в полудни? Вот, на кресте, в шестом часу прибитый обитает... как дуга небесная вытянут на кресте... Видь дугу и благослови сотворшаго ю. Разные цветы на той дуге, и синие от битья, и червленые от пролитыя крове. Поистине мир заслужил своими грехами больший потоп, нежели первое потомство Адамово; но вот знак примирения, дуга на облаке крестном протяженная» (*Свт. Димитрий Ростовский*. Цит. соч. Т. 5. С. 66).

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 253.

¹⁵ *Он же*. Руно орошенное. Чернигов, 1702. Л. 79.

¹⁶ «...мы же страждущие есмь, яко собирающий по трапезовании укрухи; сие от страданий Господних некие собираем останки, глаголющу апостолу, исполню, рече, лишние скорбей Христовых в теле моем (Кол 1. 24) . Сиесть, еже Он не дотерпе, аз в теле моем дотерпеваю» (*Он же*. Сочинения... Т. 3. С. 245–246).

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 186. Ср. выше приведенное поучение старца Зосимы. Из житий святых старец выбирает жития Алексия, человека Божия, и Марии Египетской, в которых на первый план выступает именно страстотерпчество, как вольное перенесение лишений и страданий ради Христа.

В 1705 г. он посещает Москву и, проповедуя в Преображенском в присутствии царя на память мученика Евстафия Плакиды, рассказывает притчу о Царствии Божием, отправившемся на поиски подходящего для него места. Этого места не находится для Царствия Божия ни в сокровищницах знатных людей, наполненных неправедным богатством; ни среди обшчитывающих покупателей торговых людей; ни в приказах и судах, наполненных мздоимством; ни в палатах пирующих, поедающих «людей Божиих вместо хлеба»; ни даже в Церкви, где молятся без внимания, ссорятся, говорят и думают о своем. «Изыде убо из града небесное Царство и грядущи путем, дойде некоего села... и се видит овые в последней нищете бедствующие, овые голодом таюшися, овые на правезах биемыя, овия плачущия, въздыхающия, и уже едва в ином душа в теле держится. То видя, небесное Царство възлюбило на селе жити, рече в себе: *сей покой мой, zde вселюся*. (Пс 131. 14). Ибо пишется: нужно есть Царствие небесное, и нуждницы восхищают е: между людьми убо нужду терпящими моему месту быти подобает. И тако Царство небесное вселилося в село; а Евангелие Святое и записало то словесы сивцевыми: подобно есть Царство небесное сокровищу сокровенну на селе»¹⁸.

В 1707 г., в неделю Жен Мироносиц, подобным образом свт. Димитрий приглашает свою паству отправиться на поиски Христа: Христос по обетованию с нами *до скончания века*, но где? Как Бог Он везде есть, но не везде обитает. В храмах? — но храм теперь нередко более похож на вертеп разбойников¹⁹. В храмах нерукотворенных, т. е. составляющих Церковь христианах? — «Но ныне та Святая Церковь зело утеснена, умалена ово от внешних гонителей, ово от внутренних раскольников»²⁰. Из Писания знаем, правда, что Господь *посреде людей Своих* (Пс 124. 2) — Но кто люди Его? — «Крестом ограждаемса и Христа распинаем»²¹. В чине духовном — «кто ради славы, кто ради прокорма», в монахах ропот, в народе татьбы и убийства. В боярах и судьях нет правды и милосердия — обижают людей убогих и нищих. Где же Господь? Лишь среди тех самых обидимых, нищих и убогих: «Любит Господь алчущих и жаждущих: а у вас и есть и пить мало чего, иному и половиннаго не станет хлеба; в вас убо Он обитает: есть zde. Любит страждущия безвинно: а в вас страдания того не исчислить: иныя до крови биемии, иныя на правезах мучими, и уже в ином едва душа в теле содержится. В вас убо Господь вселяется, смотря на страдание ваше и вечную вам за то отраду готовя: есть zde. О новые страдальцы, страстотерпцы, мученики: молю вас и увещеваю, не изнемогайте в терпении, но благодарите Христа своего, а Он к вам по воскресении Своем будет в гости. ...В вас Христос есть и будет, а вы рцйте: Аминь»²².

¹⁸ Полное собрание сочинений... Т. 3. С. 286–289.

¹⁹ «Но, о Господи! Уже то время прошло, когда Ты изгнал безчинников от святого Твоего храма; ныне и наше окаянное время настало: уже мы тебя изгоняем, а храм Твой в вертеп разбойников претворяем, и уже иногда реши есть о храме Господнем: несть zde Бога; был да пошел прочь» (Там же. Т. 2. С. 177).

²⁰ Там же. С. 180.

²¹ Там же. С. 182.

²² Там же. С. 191. Ср. в Слове о богатом и Лазаре: «...тамо нищета ваша претворится в богатство, въздыхание ваше в веселие, и слезы в радование вечное, а правези, яже zde терпите,

В том же 1707 г. святитель занят составлением «Келейного летописца», в котором, описывая события начала мира и священной истории, желает «некия полезные нравоучения писати, дабы читателя не токмо Историями увеселити, но и нравоучениями научити»²³. (При этом не лишне отметить, что очередной том из собрания сочинений святителя, содержащий в себе именно этот его труд, вышел из печати в том самом 1849 г., когда Федор Михайлович читал в крепости его Сочинения²⁴.)

В «Летописце» также отчетливо звучит тема народного страдания, оттененная на сей раз мыслью о святости земли и крестьянского труда.

Повествуя о создании Адама, святитель подробно выписывает толкование св. Амвросия Медиоланского, проводящего параллель между рождением Адама ветхого и Адама нового — Христа: «...якоже Адам от земли девы создан бысть, сице Христос от Марии Девы рожден есть. Аще бо Адамова мати земля ни от когоже бе оранна, ни насеваема: и Христова Мати-дева не позна мужа, ни всеяния. Адам руками Божиими от земли создан: Христос Духом Святым во утробе Девической воображен. Оба дело единого Отца Бога, обою девствующая мати, кждо ея Сын Божий есть: обаче Адам создание есть, Христос же соприсносущный Отцу, естеством Бог и Создатель есть»²⁵.

Правда, эта земля была проклята после грехопадения Адама «в делах его» и осуждена на то, чтобы «рождать тернии и волчцы» (Быт 3. 18). Однако праведный Ной уже после потопа своими молитвами и жертвами испросил у Бога для проклятой земли «благословение к гобзованию плодов своею благоприятною жертвою и богоугодными молитвами; сего бо ради угодника Своего Бог благослови землю, юже Адама ради проклял бе»²⁶. Тот же Ной изобрел соху, лемех и плуг и придумал, как пахать землю на волах.

Свт. Иоанн Златоуст, продолжает святитель Димитрий, считал земледелие нужнейшим из всех человеческих искусств, ибо всякому человеку «хлеб в начале к препитанию требователен равне»²⁷. Но дело даже не в этом: «Еще же и сего ради земледельство хваления достойно, яко праведно, прочии же художества не без греха бывают: овьи лгут, овьи крадут, овьи обольщают, земледельство же от пороков таковых чисто. Всякое художество своего токмо художника кормит; земледельство же всех обще питает, трудящегося и не трудящегося. О коль многии суть, туне хлеб ядушии, ихже исчести не возможно! Различны питаются неправедными прибытки; ов от грабления и хищения, ов от татьбы и разбоя, ов

тамо претворятся вам в венец мученический, и будете царствовать со Христом во век» (Там же. Т. 2. С. 609).

²³ Полное собрание сочинений... Т. 1. С. 508.

²⁴ Комментаторы ПСС считают, правда, что в руках Федора Михайловича был вообще весь пятитомник Сочинений святителя: «Что касается “Сочинений св. Димитрия митрополита Ростовского”, то Достоевский в Петропавловской крепости мог скорее всего получить последнее их издание (Ч. I–V. М., 1842; новое выходило в 1849 г.), в котором собраны его проповеди, речи, поучения» (Полное собрание сочинений... Т. 28. Кн. 1. С. 446), однако принятие этого мнения делает выдвигаемую в статье гипотезу только более достоверной.

²⁵ Свт. Димитрий Ростовский. Сочинения... Т. 4. С. 18–19.

²⁶ Там же. С. 187.

²⁷ Там же. С. 188.

от насилования и мучительства, ов от инаго каковаго небогоугодного промысла. Само земледельство от труда рук своих, и от пота лица своего имать свое препитание праведное и богоугодное, яко никогоже обидящее, паче же от всех обидимое: ибо толь многими данми отягощаемое и от сильных насилуемое»²⁸.

За сим похвала земледелию окончательно переходит в похвалу земледельцам, из числа которых в древности выходили и праведные властители земли. «Да никтоже убо уничижает земледельцев о их худородии, егда царие и святы угодницы Божии от них происходят. Добре преподобный Симеон, Христа ради юродивый, другу своему Иоанну диакону пред кончиною своею сказа глаголя: “Между простыми людьми, в весех жительствующими и делающими землю, иже в незлобии и правоте сердца своего жительствующе, ни когоже хулят, ни обидят, но от труда рук своих в поте лица едят хлеб свой: между таковыми мнози суть величии святы; видех бо я приходящия во град, и причашающиися Тела и Крове Христовы, и бывающия, яко злато чисто”»²⁹.

Наконец, в последней своей крупной работе, «Розыске о раскольнической Брынской вере», доказывая, что перемены во времени не способны «отъяти Церквам святость их», ибо... «всякое время человеку спастися произволяющему есть время благоприятное, есть день спасения»³⁰, святитель парадоксальным образом обосновывает последнее положение тем, что всякое время есть и время «лютое» — время гонения. Было время лютое, когда гнали за имя Христово, теперь же «время лютое не за Христа гонит, но за временная блага; кождо бо ищет своих си»³¹. Однако, как тогда, так и теперь не следует бежать в пустыню, ибо прославляются христиане не бегством, а мученичеством³². И если кто-то думает, что теперь нет мучеников, то он ошибается: «О коль мнози и ныне страждут неповинные, во узах держими, мучими, озлобляеми, убиваеми, и иже на правезах биемы до смерти; вси тии в невинности своей, мученики суть Христовы, иже *еще и не за Христа страждут, обаче за самую невинность свою Христу суть любезни, и мученическаго венца от Него сподобляеми* (курсив мой. — *прот. П. Х.*); якоже сподоблени суть святии страсотерпцы Российстии Глеб и Борис и святыи Димитрий Царевич, иже *еще и не за Христа пострадаша, обаче со святыми мучениками прославишася: сиче и сии, иже и ныне неповинне страждущии, мученики суть*»³³.

Сопоставив теперь эти важнейшие для понимания святителя Димитрия тексты с текстами Достоевского, нельзя не признать, что в них общего гораздо больше, чем можно было бы объяснить случайным совпадением.

Если свт. Димитрий не мыслит любви без страдания, то, конечно, с ним согласен и Достоевский, ведь следование данному во Христе идеалу заключается

²⁸ *Свт. Димитрий Ростовский. Сочинения...* Т. 4. 188–189.

²⁹ Там же. С. 190.

³⁰ *Он же. Розыск о раскольнической Брынской вере. М., 1855. С. 240–241* (Согласно проку Даниилу, доказывает он там же, и после гибели антихриста останется еще время на покаяние (Дан 12. 12)).

³¹ Там же. С. 264.

³² «...не след убо бежать из городов... И Христу Господу нашему мильший есть мученик, кровь свою зань изливаяй, неже преподобный в пустыни подвизаяйся» (Там же. С. 268).

³³ Там же. С. 272–273.

в исполнении заповеди «возлюбить человека как самого себя», а для этого необходимо уничтожить свое я, «отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно»³⁴. Таким образом, воля к любви есть воля к жертве, воля к страданию — своего рода *Wille zum Leid*³⁵ (нем.: воля к страданию. — *Ред.*).

Если безгрешно земледелие и свята земля у свт. Димитрия, то и Достоевский часто говорит нечто очень похожее о таинственной силе и святости земли, способной нравственно переродить живущего и трудящегося на ней человека³⁶.

Если христианское общество — *corpus christianorum* — приобретает у святителя Димитрия вполне конкретные черты сословия крестьян (т. е. христиан) — мучеников, то совершенно очевидно, что это сословие мучеников вполне идентично народу-богоносцу Достоевского³⁷, и он является таковым именно потому, что главная школа христианства, которую он прошел, «это — века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных в свою историю, когда он, оставленный всеми, попраный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-утешителем, Которого и принял тогда в свою душу навеки и Который за то спас от отчаяния его душу»³⁸.

Если девственная земля в приводимом святителем толковании св. Амвросия таинственно подобна девственному чреву Препоблагословенной Девы, то не так уж странны и загадочны слова старицы из «Бесов»: «Богородица — великая Мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость»³⁹.

И, пожалуй, только один, но существенно важный момент является пунктом расхождения между ними — это вопрос о мотивации страданий.

Для свт. Димитрия, как мы уже видели, это желание подражать Христу в невинности Его страданий. Для Достоевского — переживание своей вины перед всеми и всем.

³⁴ Полное собрание сочинений... Т. 20. С. 172.

³⁵ «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно» (Там же. Т. 21. С. 36).

³⁶ «Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей поделатъ людей, то наделите их землею — и достигнете цели» (Там же. Т. 23. С. 98). И в другом месте: «...и порядки, и законы, и нравственность, и даже самый ум наций, и все, наконец, всякое правильное отправление национального организма организуется лишь тогда, когда в стране утвердится прочное землевладение» (Там же. Т. 25. С. 138). Или: «...от земли у русского народа и все остальное: и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь (курсив мой. — *прот. П. Х.*) — одним словом, все, что есть драгоценного» (Там же. Т. 23. С. 99). Ср. также у Мочульского: «Мистический культ земли лежит в основе учения писателя о почвенности и народности: святая земля и народ-богоносец не идеи разума, а объект страстной веры» (*Мочульский К.* Достоевский: жизнь и творчество. Париж, 1947. С. 381).

³⁷ Ср. у Достоевского: «...русский человек ничего не знает выше христианства, да и предстать не может. Он всю землю свою, всю общность, всю Россию назвал христианством, "крестьянством"» (Полное собрание сочинений... Т. 23. С. 130).

³⁸ Там же. Т. 26. С. 151.

³⁹ Там же. Т. 10. С. 116.

На первый взгляд, последняя мысль также вовсе не противоречит традиции, однако если сознание своей греховности, а значит, и вины за свое недостойнство действительно присуще христианской ментальности, то в основе его лежит все же: «Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих» (Пс 50. 5).

Безусловно, Церковь помнит слова апостола Павла о том, что по вине человека «вся тварь совокупно стенает и мучается доныне» (Рим 8. 22), или, как говорится в одном из древних канонов, «все мы согрешихом, и страшно убо земля не согрешиши мучится»⁴⁰. Но и здесь не идет речь о покаянии перед землей и тварью. В том же каноне читается чуть ниже: «Земля безъязычне вопиет, стелящи: почто мя злыми оскверняете многими вси человецы; вас бо Владыка щадя, едину мене уязвляет, примите чувство и покаянием *Бога умилостивите* (курсив мой. — *прот. П. Х.*)»⁴¹.

Церковное учение, следственно, настаивает на том, что всякая наша вина друг перед другом и перед тварью в конечном счете восходит к вине перед Богом, Которому и должно приносить покаяние⁴². Нетрудно также установить, что начало этой вины кладется первородным грехом, ибо в Адаме «все согрешили» (Рим 5. 12). Однако для искупленных Христом появляется возможность и *невинного* страдания: «Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо» (1 Пет 2. 19).

Достоевский в свою очередь размещает акценты иначе. Мысль о всеобщей личной виновности всех перед всеми (а отсюда и о покаянии прежде всего перед людьми, а не перед Богом) — одна из самых важных для него и одна из самых настойчиво повторяемых им. Именно на ней основывается «психологическая» возможность совершенной любви, психологическая мотивация для прощения

⁴⁰ Миняя Октябрьская. Месяца того же в 26-й день. Святаго и славнаго великомученика Димитрия Мироточца: и воспоминание великаго и страшнаго трясения. Канон на утрени, песнь 9-я.

⁴¹ Там же.

⁴² См. у любимого Достоевским свт. Тихона, с которого, как считается, писал он старца Зосиму: «Истинное покаяние и жаление — жалеть и болезновать о грехах не по причине гибели своей, но по причине того, что Бога Преплагаго, Который есть Благоутробный Отец и вечная Благодать и Любовь, грехами оскорбляем и прогневаем. Человек, осознавая свою подлость и Божие непостижимое величие и огромную Его любовь к себе и ко всем, весьма печалится и сердцем уязвляется, что он, *земля и пепел* (Сир 10. 9; 13. 31), и Богом любимый, Возлюбившего его оскорбил и прогневил. Его Ангелы, и Архангелы, и все небесные Силы со страхом и любовью почитают, поют Ему и поклоняются, а он, подлый, *земля и пепел*, не почитал Его и не слушал. От этого огромную печаль чувствует человек на сердце своем, и ею, как стрелой, уязвляется. И это-то и есть *печаль ради Бога*, которая производит неизменное покаяние *ко спасению* (2 Кор 7. 10). Эту печаль Божия благодать соделывает. Имеющий такую печаль будет скорбеть и тужить, хотя бы и геенны не было. Не имеет человек истинной и сердечной любви к Богу сам по себе — Божия благодать возбуждает в сердце его любовь, показывая ему, что Бог есть несозданное, безначальное, бесконечное, неизменяемое, присносущное, прелюбезное Естество и самоверховнейшее Добро, от Которого все блага и благодеяния, как от приснотекущего источника ручьи, проистекают, и как все создания и люди, так и он создан и, падший, искуплен Им для вечного блаженства. Так благодать Божия, просвещая сердце человеческое, зажигает в нем огонь любви Божией» (*Свт. Тихон Задонский*. Творения: В 5 т. М., 1889. Т. 4. С. 316–317).

всех всеми⁴³. Для этого всякий должен искренне уверить себя в том, что он виноват перед всеми, и как только сделает это, так сразу поймет, что так оно и есть на самом деле⁴⁴, и тогда наше сердце умирится «в любовь бесконечную, вселенскую, не знающую насыщения...»⁴⁵ Эта вина перед грешным человечеством усугубляется виной перед безгрешной тварью, на которую, впрочем, при осознании этого простирается та же «вселенская» любовь, находящая свое высшее выражение в любви к той самой земле, которую как можно чаще целовать и напавать слезами советует старец Зосима⁴⁶. Достоевский не знает *печали ради Бога*, но лишь *печаль ради твари*, и как будто именно потому, что не знает вины перед *Единым Безгрешным*, но лишь вину перед *безгрешной тварью*. И даже то, что человек не стремился следовать за Христом, делает его виноватым не перед Спасителем, но перед людьми: «Если же злодейство людей возмутит тебя негодованием и скорбью уже необоримую, даже до желания отомщения злодеям, то более всего страшись сего чувства; тотчас же иди и ищи себе мук так, как бы сам был виновен в сем злодействе людей. Приими сии муки и вытерпи, и утолится сердце твое, и поймешь, что и сам виновен, ибо мог светить злодеям даже как Единый Безгрешный и не светил»⁴⁷.

Кратко говоря, страдание ради стремления подражать страданиям Христовым заменяется у Достоевского страданием по сознанию вины перед страдающим человечеством.

Итак, подводя итоги сказанному, можно утверждать, что наследие свт. Димитрия Ростовского оказало ощутимое влияние на формирование богословских идей Достоевского. Даже если отставить в сторону вопрос об авторстве упоминаемых Достоевским неоднократно Четий-Миней, самую сердцевину учения как одного, так и другого составляет представление о таинственно связанном с безгрешной землей народе-страдальце. Важно подчеркнуть, что с сочинениями святителя, излагающими это учение, Достоевский мог познакомиться еще в 1849 г., во время своего пребывания в крепости. Однако существенную разницу обнаруживает отношение святителя и писателя к вопросу о происхождении страданий, а вместе с ним и о мотивации любви. Мотив вольного страдания ради подражания Христу у свт. Димитрия сменяется у Достоевского мотивом страдания, обусловленного виной перед тварью. Таким образом, этот вопрос автор «Карамазовых» стремится решить в рамках не столько теоцентрического, сколько антропоцентрического подхода, иными словами — в рамках гуманистических парадигм Нового времени. Именно последнее, очевидно, обусловило, с

⁴³ Ср. в стихирах Пасхи: «...и ненавидящим нас простим вся *воскресением*». Вот кстати, о чем никогда прямо не говорит Достоевский — о воскресении Христовом.

⁴⁴ «Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской. Друг, да ведь это и вправду так, ибо чуть только сделаешь себя за всё и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за вся виноват» (Полное собрание сочинений... Т. 14. С. 290).

⁴⁵ Там же. Т. 14. С. 149.

⁴⁶ «Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытимо любви, всех любви, всё любви, ищи восторга и иступления сего. Омочи землю слезами радости твоея и любви сии слезы твои» (Там же. Т. 14. С. 292).

⁴⁷ Там же.

одной стороны, неизбежные потери, а с другой — чрезвычайную востребованность доктрины Достоевского в культурной среде.

Ключевые слова: Достоевский, свт. Димитрий, народ-богоносец, Четьи-Минеи, страсотерпчество.

SAINT DIMITRI OF ROSTOV AND F. DOSTOEVSKY

ARCHPRIEST PAVEL KHONDZINSKY

Academic literature until now has ignored the possibility of seeing the roots of Dostoevsky's idea of a God-bearing people in the Saint Dimitri of Rostov's conception of the *passion bearer*. But, on the contrary, obvious parallels between the two permit the author to speak of a deliberate coincidence. On the other hand, the two are divided in their conceptions of the reasons for human suffering.

Keywords: Dostoevsky, Saint Dimitri of Rostov, God-bearing people, Chet'i-Minei (Lives of the Saints), passion-bearers.